

Нет автора

Русская старина

1902. 1_3

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1902. 1_3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 699 с.

ISBN 978-5-458-02860-8

ISBN 978-5-458-02860-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлю знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

И С Т О Р І Я

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», Большая

Подъячская, № 39.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XVI ¹⁾.

Варшавское общество любителей наукъ и его политическое значеніе.—Фаддей Чапкій.—Кн. Адамъ Чарторыйскій и его отношенія къ императору Александру.—Образованіе Виленскаго учебнаго округа.—Назначеніе кн. Чарторыйскаго его попечителемъ.—Актъ учрежденія Виленскаго университета.—Министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и его отношенія къ полякамъ.—Его содѣйствіе князю Чарторыйскому въ ополченіи края.—Главные сотрудники князя Чарторыйскаго: ксендзъ Дмоховскій и Гуго Колонтай.—Основаніе Кременецкой гимназій.—Участіе Варшавскаго общества любителей наукъ въ дѣятельности Виленскаго университета.—Политическая дѣятельность Общества.

Послѣ раздѣла Польши, поляки не переставали мечтать о возстановленіи своего отечества. Эмигранты ихъ, жившіе въ Парижѣ, обращали свои взоры къ Франціи и къ возвышавшемуся тогда генералу Бонапарту. Еще во время похода въ Италію, Наполеонъ говорилъ своему адъютанту Суликовскому:

— Когда я окончу эту войну, то двинусь во главѣ французовъ для освобожденія вашей родины. Скажите вашимъ соотечественникамъ, чтобы они вооружались, стараясь въ то же время поддерживать общеніе между раздѣленными частями страны своей.

Поляки послѣдовали совѣту Наполеона и центромъ взаимныхъ сношеній разрозненныхъ частей Польши явилось «Варшавское общество любителей наукъ» (Towarzystwo Przyjaciół. Nauk

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1901 г.

или Towarzystwo uczonych), основаніе котораго относится къ ноябрю 1800 года ¹⁾).

Гуманный прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, подъ управленіемъ котораго находилась эта часть Польши, смотрѣвъ сквозь пальцы на существованіе Общества, но долгое время не давалъ ему официальной утвердительной грамоты, и только спустя нѣсколько лѣтъ, рескриптами отъ 1-го іюля 1802 г. и 5-го ноября 1804 г. на имя предсѣдателя зенопольскаго епископа Албертранди, призналъ существованіе этого Общества.

Тѣмъ не менѣе Общество открыло свои дѣйствія и до этого признанія. 8-го (20-го) мая 1801 года Варшавское общество имѣло первое публичное засѣданіе въ домѣ своего предсѣдателя или президента, пріѣхтовавшаго собравшихся особою рѣчью.

— Распространеніе истиннаго просвѣщенія, — сказалъ Албертранди ²⁾, — есть величайшее средство изъ всѣхъ благотвореній, какія только можно оказать человѣческому роду. Кто побѣждаетъ ложныя мнѣнія, разгоняетъ предрасудки, посрамляетъ заблужденія, тотъ очищаетъ путь къ истинѣ, которая, озаряя умы спасительнымъ свѣтомъ, направляетъ сердца къ добродѣтели, ибо пороки, хотя иногда рождаютъ его страсти, по большей части бываетъ послѣдствіемъ ложнаго разсужденія о вещахъ. При томъ, первая честь всякаго народа основывается на томъ, когда онъ славится науками и знаніями. Усовершенствованіе въ нихъ есть плодъ благороднѣйшей части — разума.

Албертранди указывалъ на то, что всѣ великіе государи, министры и благоразумные правители, сознавая эту истину, прилагали ревностное стараніе къ распространенію сколь возможно болѣе просвѣщенія, будучи увѣрены, что оно даетъ имъ единое средство къ насажденію въ ихъ владѣніяхъ добрыхъ нравовъ и къ пріобрѣтенію народомъ славы.

— Сигизмундъ I и Сигизмундъ-Августъ, — говорилъ ораторъ, — знаменитые короли изъ рода Ягеллоновъ — сохраняли эти правила, и въ царствованіе ихъ народъ польскій почитался просвѣщеннѣйшимъ. Послѣ того несогласія, родившіяся отъ разстроеннаго правленія, и са-

¹⁾ 23-го ноября 1800 г. собрались для обсужденія вопроса о цѣли и дѣятельности Общества слѣдующія лица: епископъ Албертранди, тайный совѣтникъ Ѳаддей Чацкій, графъ Станиславъ Грабовскій, Станиславъ Клокоцкій, Ѳаддей Матусевичъ, ксендзъ Іосифъ Осинскій, графъ Станиславъ Потоцкій, ксендзъ Андрей Рептовскій, графъ Станиславъ Солтыкъ, Христофоръ Веселовскій, Михаилъ Валицкій, Иванъ Вылежинскій, ксендзъ Игнатій Заборовскій, ксендзъ Францискъ Дмоховскій.

²⁾ „Мысль о пособіи воспитанію юношества“, журналъ, „Улей“ на 1812 г., ч. III, стр. 313.

мое безначаліе, проистекшія отъ недостатка просвѣщенія, помрачили страну сію (Польшу) непроницаемою мглою. Еще не болѣе полувѣка протекло, какъ она стала вновь озаряться. Коммиссія народнаго воспитанія, преобразование училищъ и академій, изданіе разныхъ сочиненій, нѣзъ коихъ не малое число судило писателямъ и народу безсмертную славу—все подавало надежду, что науки пріобрѣтутъ у насъ прежнее свое уваженіе. Но свершился послѣдній жребій, predetermined сей странѣ судьбою! Жители оной думали, что, съ переменною политическаго бытія, должны будутъ отрѣчься отъ наукъ и даже отъ природнаго языка своего.

Указавъ, что такое мнѣніе влечетъ за собою вредныя послѣдствія, что оно обидно для народнои чести, что Общество можетъ достигнуть истиннаго просвѣщенія только на природномъ языкѣ, Албертранди такъ закончилъ свою рѣчь.

— Мы видимъ примѣры,—сказалъ онъ,—что природный языкъ, несмотря на всѣ послѣдовавшія переменны въ правленіи, многіе вѣка оставался почти не нарушенъ въ народѣ. Невозможность совершеннаго истребленія народнаго языка показываетъ, сколь нужно пріобрѣтать просвѣщеніе на природномъ. Это привело къ тому, что нѣкоторыя особы предприняли намѣреніе составить въ Варшавѣ «Общество любителей наукъ». Первые соединившіеся члены положили въ устроеніи семъ ненарушимое правило, что всѣ политическіе предметы, относящіеся къ нынѣшнимъ правленіямъ, оставляютъ они съ тѣмъ, чтобы не вмѣшиваться въ дѣла такого рода, но предполагаютъ себѣ единственную цѣль—заниматься возвращеніемъ наукъ и искусствъ. Откровенный и искренній поступокъ пріобрѣтетъ себѣ по справедливости довѣренность. Особы, положившія начало и связь Обществу, просили правительство, дабы подъ его защитою позволено имъ было трудиться въ наукахъ, будучи увѣрены, что столь полезное намѣреніе заслужитъ благосклонный пріемъ. Они не ошиблись въ своей надеждѣ и получили явственное и совершенное позволеніе.

По первоначальному уставу, представленному на утверженіе, въ предметъ занятій Общества входило: 1) сохраненіе чистоты польскаго языка; 2) распространеніе на томъ же языкѣ полезныхъ знаній; 3) изданіе разсужденій о предметахъ полезныхъ государству и наукамъ; 4) переводы лучшихъ иностранныхъ писателей; 5) оцѣнка сочиненій, присылаемыхъ для изданія ихъ отъ имени Общества; 6) удешевленіе изданій сочиненій, заслуживающихъ вниманія, и 7) сохраненіе въ памяти потомства выдающихся умершихъ поляковъ при помощи рѣчей, біографическихъ очерковъ и т. п.

Въ концѣ устава было сказано, что Общество «воспрещаетъ

себѣ разсуждать» о предметахъ противныхъ христіанской вѣрѣ, настоящему правленію и обычаямъ».

Такимъ образомъ Общество, казалось, отклоняло отъ себя всякое подозрѣніе въ соединеніи ученой цѣли съ какими-либо политическими видами и вмѣшательство въ нихъ. А между тѣмъ въ самомъ началѣ учрежденія Общества проглядывала уже затаенная цѣль, которую можно было угадывать по картинѣ, повѣшенной на самомъ видномъ мѣстѣ въ залѣ собранія Общества. На картинѣ было изображено покореніе королевичемъ Владиславомъ г. Смоленска. Владиславъ изображенъ былъ сидящимъ на гордомъ конѣ, попирающемъ русскія знамена, а возлѣ нихъ были видны рабѣшно повергшіеся на землю русскіе люди, подносящіе Владиславу ключи Смоленска ¹⁾.

Въ засѣданіи Общества 12-го ноября 1802 года епископъ Коссаковский заявилъ, что Главное литовское училище (Виленскій университетъ) продолжаетъ распространять просвѣщеніе по уставамъ и учебнымъ книгамъ, изданнымъ бывшею во время польскаго управленія комиссіею народнаго просвѣщенія, и что такой способъ воспитанія юношества нынѣ нельзя признать удовлетворительнымъ. Заявленіе Коссаковского привело Общество къ рѣшенію вмѣшаться въ это дѣло и войти въ сношеніе съ литовскимъ училищемъ. Общество успѣло испросить на это дозволеніе русскаго правительства, и съ 1803 года сношенія эти начались.

Не довольствуясь этимъ, Общество любителей наукъ открыло впоследствии сношенія и съ Харьковскимъ университетомъ. Пользуясь тѣмъ, что попечителемъ этого университета былъ сенаторъ русской службы Северинъ Потоцкій ²⁾, Общество избрало его въ свои члены, при чемъ предсѣдатель Албертранди, 26-го апрѣля 1805 г., писалъ ему, что Общество гордится тѣмъ, что подъ его управленіемъ состоятъ обширныя области, «ознаменованныя нѣкогда польскимъ оружіемъ (?) и славящіяся въ исторіи рода человѣческаго» ³⁾.

Преслѣдуя съ самаго начала своего существованія политическія цѣли, Варшавское общество наукъ старалось завести связи съ ино-

¹⁾ Старческія воспоминанія Авдія Востокова, „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“ 1864 г. № 2, Отдѣлъ II, стр. 54.

²⁾ Северинъ Потоцкій былъ сенаторомъ III департамента Сената, въ которомъ разсматривались дѣла, такъ называвшіеся тогда, „Польскихъ провинцій“.

³⁾ Взглядъ на дѣйствія бывшаго Варшавскаго общества любителей наукъ (рукопись).

странными государствами и съ этою цѣлью отправило Нѣмцевича въ Америку ¹⁾, а Мальчевскаго въ Парижъ ²⁾.

Все это дѣлалось тайно и скрывалось на столько, что въ напечатанныхъ въ 1802 и 1803 годахъ уставахъ Общества рѣшительно исключено было все, относящееся до вѣры, правительства и политическаго состоянія края,—но въ уставѣ Общества, изданномъ въ 1805 году, уже не упоминалось, что преимущественными занятіями его будетъ исторія Польши, польская словесность и польскій языкъ.—Напротивъ, въ уставѣ этотъ введенъ былъ новый предметъ—правовѣдѣніе, къ которому принадлежала и политика.—Первое литературное приношеніе, сдѣланное Обществу въ 1800 году, было отъ помѣщика Волынской губерніи, находившагося въ русской службѣ тайнаго совѣтника Ѳаддея Чацкаго, вся дѣятельность котораго была направлена къ возстановленію Польши.

Чацкій родился въ 1765 году въ мѣстечкѣ Порицкѣ Владимірскаго уѣзда, Волынской губерніи, населенной сплошнымъ русскимъ племенемъ; вѣскольکو пановъ и поляковъ-помѣщиковъ не составляли тамъ народа; но Чацкаго ополячилъ его воспитатель іезуитъ Фаустинъ Гродзинскій, возбудившій въ немъ съ раннихъ лѣтъ польскія чувства и любовь къ наукамъ. Изучая польскую исторію, Чацкій проникся чувствомъ историческаго уваженія къ Польшѣ и жадно розыскавалъ памятники польской старины. «Древніе и польскіе писатели сдѣлались для него необходимостью, а польская этнографія—любимымъ занятіемъ. Онъ не жалѣлъ средствъ на приобрѣтеніе старой польской книжки... Любовь къ отечеству отождествлялась у него съ любовью къ наукѣ, и торжество послѣдней стало для него цѣлью жизни» ³⁾.

Такой человѣкъ не могъ смотрѣть равнодушно на политическую смерть мнимаго своего отечества и въ 1794 году Игельстромъ донесъ русскому правительству о дѣятельномъ участіи Чацкаго ⁴⁾ въ польскомъ

¹⁾ Изъ письменной инструкціи, данной Нѣмцевичу 12-го іюля 1803 года, видно, что Варшавское общество обязывалось сохранять и распространять права и памятники славы польскаго народа и что оно желало набрать въ свои члены бывшаго тогда президента Сѣверо-Американскихъ штатовъ Джеферсона и еще двухъ ученыхъ американцевъ.

²⁾ Мальчевскій былъ корреспондентомъ Варшавскаго общества съ 1802 г. по 1828 г.; жилъ долго въ Парижѣ и впоследствии сдѣлался французскимъ гражданиномъ. Какое именно порученіе было ему дано, въ точности не извѣстно, но несомнѣнно, что онъ имѣлъ сношенія съ Наполеономъ. Въ 1832 году Мальчевскій напечаталъ въ Парижѣ, противъ Россіи, Австріи и Пруссіи свое сочиненіе „Essai historique et politique sur la Pologne“.

³⁾ Ѳ. Кудринскій, „Ѳаддей Чацкій“, „Кіевская Старина“, 1893 г. Т. 40 № 2, стр. 323 и 325.

⁴⁾ Онъ былъ въ то время подскарбіемъ или государственнымъ казначеемъ.

мятежѣ, начавшемся въ Краковѣ въ 1793 голу.—Чацкій подвергся преслѣдованію, и два его имѣнія—Брусиловское и Острожское—были конфискованы и розданы по частямъ, въ видѣ бенефицій, помѣщикамъ заслужившимъ довѣріе русскаго правительства.—Чацкій, конечно, не могъ примириться съ такою утратою и отправился въ Петербургъ хлопотать о возвращеніи ему секвестрованныхъ имѣній. Часть послѣднихъ была ему возвращена подъ условіемъ, чтобы онъ въ теченіе двухъ лѣтъ продалъ ихъ и самъ выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи. Онъ думалъ поселиться въ Краковѣ, но съ кончиною императрицы Екатерины II и со вступленіемъ на престолъ императора Павла обстоятельства измѣнились. Чацкому не только было разрѣшено остаться въ Россіи, но онъ явился на коронацію императора въ Москву депутатомъ отъ дворянства Кіевской губерніи. Пользуясь расположеніемъ государя къ полякамъ, выразившимся освобожденіемъ Косцюшки, Чацкому и его товарищамъ-депутатамъ удалось, среди московскихъ празднествъ, выхлопотать черезъ князя Куракина всеобщее прощеніе политическимъ преступникамъ-полякамъ, жившимъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, выхлопотать учрежденіе «Главнаго суда», для тѣхъ же губерній, подобнаго тому, какой существовалъ для Литвы, и дозволеніе избирать предводителей дворянства и исправниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ-поляковъ. Упоминая объ этихъ милостяхъ императора, даже и такой истый полякъ, какимъ былъ есендзъ Осинскій, не могъ не замѣтить въ своей книгѣ, что «когда полякамъ дозволено было употреблять польскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ (русскихъ губерній), на дворянскихъ выборахъ и въ школахъ, тогда поляки, отошедшіе по раздѣлу подъ власть другихъ государей, вовсе не имѣли этого утѣшенія» ¹⁾. Галиція, напримѣръ, въ сравненіи съ Волынією и Подолією, казалась полякамъ «трупомъ, издыхающимъ въ агоніи страдальца, въ гнилыхъ ранахъ коего безчисленные рои червей производятъ зудъ, мучительнѣе смертельныхъ болѣзней...» ²⁾.

При такомъ направленіи русскаго правительства, Чацкій успѣлъ пріобрѣсти расположеніе императора Павла, который пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника и предложилъ мѣсто сенатора. Чинъ онъ принялъ, а отъ сенаторства отказался подъ предлогомъ бѣдности и невозможности жить въ Петербургѣ.

«Съ этого времени,—говорить его биографъ,—въ характерѣ дѣятельности Чацкаго настала переиѣна. Онъ отказался отъ рѣшительнаго

¹⁾ Воспоминанія о Волыни. И. Кульжинскаго, „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1865—1866 г., № 2, отд. IV, стр. 128.

²⁾ Старческія воспоминанія Авдія Востокова, „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“ 1864 г., № 2, отд. II, стр. 55.

образа дѣйствій въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ пробужденіе политической Польши послѣ ея раздѣловъ. Чацкій убѣдился, что возстановить Польшу путемъ прямыхъ радикальныхъ предпріятій невозможно. Оставалось примириться съ фактомъ и дѣйствовать съ другой стороны,—невидимой для русскаго правительства—путемъ подъема національнаго самосознанія черезъ распространеніе въ край низшаго и средняго образованія въ строго-польскомъ направленіи». На этомъ поприщѣ его дѣятельности мы встрѣтимся съ нимъ, когда будемъ говорить о немъ какъ о визитаторѣ училищъ, а теперь скажемъ, что въ 1800 г. онъ представилъ Варшавскому обществу любителей наукъ свое сочиненіе о литовскихъ и польскихъ законахъ, а вслѣдъ затѣмъ въ 1801 г. принялъ на себя трудъ составить исторію польскаго права и исторію польскаго народа.

Изъ этого можно видѣть, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ значительнѣйшіе члены Варшавскаго общества наукъ простирали свои виды далѣе цѣли, опредѣленной въ первоначальномъ уставѣ. Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности.

Послѣ предложенія Чацкаго составить исторію польскаго народа Варшавское общество наукъ рѣшило, для поддержанія народности и просвѣщенія между поляками-простолюдинами, издавать учебныя книги, при чемъ обращать особенное вниманіе на просвѣщеніе не только тѣхъ поляковъ, которые были прусскими подданными, но и на жителей провинцій, присоединенныхъ къ Австріи и въ особенности къ Россіи. Тѣмъ временемъ императоръ Павелъ I скончался, и на престолъ вступилъ Александръ I. Вступленіе это было принято поляками какъ свѣтлая денница или какъ животворное солнце на мрачномъ горизонтѣ Польши.

Посѣщая Литву вообще и Вильну въ особенности, Александръ своею доступностью, привѣтливимъ обращеніемъ, щедрыми дарами и милостями, приводилъ въ восхищеніе литовскихъ жителей и привлекалъ къ себѣ сердца большинства населенія.

Хотя въ поведеніи Александра I не было ничего опредѣленнаго, но его обѣщанія привлекали вниманіе многихъ. Въ первые годы его царствованія были между поляками люди, которые искали возстановленія Польши въ полномъ ея составѣ и прежнихъ предѣлахъ. То были лица, близкія къ Александру I, друзья его юности; другіе же, какъ напримѣръ магнаты, находившіеся уже подъ властью Россіи, надѣялись, что русскій императоръ возстановитъ «Литовское княжество», бывшее только въ союзѣ съ Польскимъ королевствомъ, но никогда не сливавшееся съ нимъ въ одно цѣлое. Во главѣ такихъ лицъ стоялъ графъ Михаилъ Огинскій, а сторонникомъ возстановленія всей Польши былъ князь Адамъ Чарторыйскій.

Послѣдній выѣздъ съ Александромъ, въ дни ихъ юности, скорбѣли

о Польшѣ, оплакивали ея судьбу, осуждали императрицу Екатерину, еще при ея жизни, въ несправедливости раздѣла Польши, приписывали ей починъ въ этомъ дѣлѣ, и оба съ горькимъ чувствомъ смотрѣли на медаль, вычеканенную по ея приказанію послѣ втораго раздѣла и имѣвшую надпись «Отторженная возвратихъ».

Александръ дѣлалъ это по увлеченію, по незнанію прошлаго Россіи и по стремленію къ чему-то высшему и отвлеченному, которыхъ онъ самъ себя объяснить не могъ, а Чарторыйскій поступалъ по убѣжденію и чувству, какъ плѣнникъ, какъ заложникъ, ненавидѣвшій Россію.

Послѣ паденія Польши имѣнія князей Чарторыйскихъ были конфискованы, и императрица Екатерина II согласилась снять конфискацію съ тѣмъ условіемъ, чтобы двое молодыхъ братьевъ Чарторыйскихъ, Адамъ и Константинъ, были отправлены родителями ихъ въ Петербургъ. Здѣсь князь Адамъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Александру Павловичу, и съ тѣхъ поръ началось ихъ сближеніе, обратившееся впоследствии въ дружбу. Несмотря на это, оба брата Чарторыйскіе питали чувство отвращенія ко всему русскому, и пребываніе въ Петербургѣ было для нихъ мученіемъ. Они считали себя плѣнниками въ чужой имъ странѣ или въ непріятельскомъ лагерѣ. Понятно, что князь Адамъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы поддержать увлеченіе Александра и вызвать его сочувствіе къ Польшѣ. Онъ надѣялся получить изъ рукъ Александра польскую корону и, по словамъ В. Мицкевича, помощью Россіи создать наследственный польскій престолъ съ династіей Чарторыйскихъ. Казалось, что всѣ обстоятельства вначалѣ благопріятствовали этому.

Великій князь Александръ вполне сочувствовалъ національнымъ стремленіямъ поляковъ, и Косцюшко въ его глазахъ являлся однимъ изъ величайшихъ героевъ, боровшихся за отечество. Александръ мечталъ тогда о равенствѣ, братствѣ и счастіи народовъ; общій миръ и союзъ между ними увлекали его и казались легко осуществимыми; отвлеченные планы замѣняли ему дѣйствительность жизни. Такимъ онъ былъ и въ первые годы своего царствованія, когда мечталъ о томъ, чего не въ силахъ былъ осуществить на дѣлѣ.

Еще при Павлѣ I въ Западной Россіи, какъ мы видѣли, былъ восстановленъ Литовскій статутъ; католическому духовенству были возвращены старинныя льготы; почти всѣ должности, даже и высшія въ администраціи и судахъ были заняты поляками, и можно было толковать такъ, что это въ сущности польскія земли, какъ бы случайно подпавшія подъ русское владычество. Поляки не признавали русской національности большинства населенія Западной Россіи и считали этотъ край польскимъ, потому только, что господствующій классъ дворянъ и помѣ-